СОДЕРЖАНИЕ

РУТ О'БРАЙЕН. ПРЕДИСЛОВИЕ 9

ВВЕДЕНИЕ. К МУСУЛЬМАНСКОМУ ВОПРОСУ: ФИЛОСОФИЯ, ПОЛИТИКА И УЛИЦА ЗАПАДА 12

Государства и права 16

Пол и сексуальность. 17

Секуляризм 18

Демократия 22

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. МУСУЛЬМАНСКИЕ ВОПРОСЫ 25

I. СВОБОДА СЛОВА. 27

Датские карикатуры 37

То, о чем еще надо сказать: право хранить молчание 56

II. ПОЛ И СЕКСУАЛЬНОСТЬ 61

Что скрывает чадра 79

III. ЖЕНЩИНЫ И ВОЙНА 85

Вооруженный секс 91

IV. ТЕРРОР 101

V. РАВЕНСТВО 115

VI. ДЕМОКРАТИЯ 142

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. НА УЛИЦЕ ЗАПАДА 165

VII. ГДЕ НАХОДИТСЯ ЕВРОПА? 167

Европейская улица 182

VIII. «ИСЛАМОФАШИЗМ» И БРЕМЯ ХОЛОКОСТА 192

IX. АМЕРИКАНСКАЯ ПУСТЫНЯ. 205

Война в пустыне 207

Абу-Грейб 208

Гуантанамо 217

X. НЕТ НИКАКОГО «СТОЛКНОВЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ». 225

Ислам — дома 228

Наша родина — текст: романы и графические романы 236

Местная команда 243

Надписи на теле 247

Совместная трапеза 251

Ислам на карте родины 253

Новости, политика и власть. 254

Ставки 260

БЛАГОДАРНОСТИ 263

Своим внешним видом напоминает цветастое и красочное одеяние и в силу этого оказывается любимым кровом каждого, ибо любой человек в этом городе может удовлетворить свои желания и устремления. Потому-то народ стекается [в этот город] и оседает там. Его размеры безмерно увеличиваются. В нем рождаются люди разных родов, имеют место браки и половые связи разного вида... Чужеземец не выделяется из местного населения… [в нем] объединяются все желания и все действия... И чем больше, шире, населенней, обширней и полней этот город, тем больше и сильнее в нем [уживаются] добро и зло.

Аль-Фараби о демократическом городе

«Свобода, равенство, братство»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Труд Энн Нортон «К мусульманскому вопросу» опровергает устоявшиеся политические и академические представления. Это точно книга с «публичной площадки»[1] — здесь много ярких речевых оборотов, вроде «когда евреи стали американцами, американцы стали больше евреями». Читатель будет поражен, насколько простым языком Нортон объясняет свои идеи. В книге не встретишь наукообразных словечек и культурологических штампов.

Однако «К мусульманскому вопросу» — книга с «публичной площадки» не только благодаря своим стилистическим особенностям. Это — настоящая политическая теория. От ее идей, масштабности и глубины перехватывает дыхание. Точно так же как «еврейский вопрос» содержал более широкий гуманистический посыл, книга «К мусульманскому вопросу» призывает к освобождению мусульман — и не ради самих мусульман или мусульманских обществ, не ради ислама, а ради выживания — ни больше ни меньше — всей западной цивилизации путем сохранения ценностей и институтов Просвещения, которые, как мы говорим, нам так дороги. Развеять ложные страхи и опровергнуть беспочвенные слухи об угрозах со стороны мусульман и ислама — критически важно для политики и философии в Европе и Соединенных Штатах.

Нортон показывает, как противостояние исламу уводит нас в сторону от действительно насущных вопросов — «о положении женщин, сексуальности, равенстве и разнообразии, вере и секуляризме». Она последовательно разбирает политические и философские основания нескладных обвинений ислама, которые выдвигает Запад, — фальшивые допущения о

[1] Игра слов: *The Public Square* — название серии, в которой была опубликована эта книга в издательстве Принстонского университета. — *Примеч. пер.*

свободе слова и свободах, касающихся пола и сексуальности. Она помещает бок о бок женщин и войну, распутывая, например, историю Линди Ингленд, американской женщины-солдата, той, что «весело указывала» на гениталии мужчин-заключенных в тюрьме Абу-Грейб. Нортон показывает, что подобные стратегии «сексуального унижения» «превратили общую для всего человечества слабость в особую уязвимость, присущую только одной культуре, и сделали ее ареной демонстрации силы Запада над арабской культурой».

Что еще делает эту книгу книгой с «публичной площадки» — это то, как Нортон раскладывает по полочкам множество сложных современных событий, таких как возмущение, которое вызвали у мусульманских мулл датские карикатуры на Мухаммеда, чтобы показать, что мусульман неверно зачислили в ряды «врагов свободы слова». И точно так же как она убедительно критикует «Казанистан» Джона Ролза и «исламофашизм» Пола Бермана, не менее жестко Нортон атакует философов вроде Славоя Жижека и Жака Деррида, с которыми читатели могли невольно связать ее работы по политической теории. Ее эрудиция, анализ и тот особый метод, какой она развивает в этой книге, — все беспощадно, все построено на искусных аргументах и элегантной стилистике.

Нортон обстоятельно и проницательно демонстрирует, как неправы те европейские авторитеты, которые, подобно Герту Вилдерсу и Йозефу Ратцингеру, связывают провал мультикультурализма с исламом, — и что то же самое делают феминистки и феминистская теория. Нортон показывает нам, какая опасность таится в мнимых угрозах, которые они находят в исламе, опасность не только для мусульман, но и для христиан, иудеев и светских гуманистов. Ислам, говорит она, и его отношение к женщине не являются «особым, порой непреодолимым барьером к соблюдению прав женщины». В отличие от феминисток, автор не настаивает на том, что женщины-мусульманки должны отречься

от своей веры ради того, чтобы говорить с Западом на одном языке.

Нортон также показывает, что секуляризм в Европе — например, во Франции с ее *laïcité*[2] — не обеспечивает обещанного нейтралитета в публичной сфере. Тем не менее она весьма осторожна в своем противопоставлении Европы и Соединенных Штатов. «Новые» нации, такие как американская, проводят собственную политику, в которой гражданским свободам и гражданским правам придается большее значение, нежели в «старых» странах; и поэтому американское гражданское общество, как и *laïcité*, по своим особым причинам не может защитить собственных граждан-мусульман от «слежки, задержаний, незаконных обысков и нападений по дискриминационным мотивам».

Несмотря на этот впечатляющий анализ, книга «К мусульманскому вопросу» удивит читателя еще раз, когда завершится главой, пронизанной надеждой. В ней нет никаких утопических построений и даже призывов к активному действию, а только к пониманию ежедневных событий, пониманию, которое уже распространяется среди нас. Для Нортон мусульмане, христиане, иудеи, индуисты, атеисты и «обыкновенные» нерелигиозные люди уже «овладевают искусством жизни вместе», и именно поэтому данная книга наполняет публичную сферу предвкушением, ожиданием того, когда мы все это осознаем.

Рут О'Брайен

[2] Режим «светскости», «секулярности». — *Примеч. пер.*

ВВЕДЕНИЕ. К МУСУЛЬМАНСКОМУ ВОПРОСУ: ФИЛОСОФИЯ, ПОЛИТИКА И УЛИЦА ЗАПАДА

Еврейский вопрос был ключевым для политики и философии Просвещения. В наше время, когда Просвещение почти совсем отцвело, место еврейского вопроса занял мусульманский.

Освобождение евреев было центральной темой просвещенческой философии и политики. Просвещенные государственные деятели добивались изменения законов, которые делали евреев гражданами второго сорта, и прекращения погромов, ужасавших Европу. Завоевание для евреев права голоса, возможности участвовать в политике наравне со всеми и ходить, как все, по улицам своих городов сопутствовало распространению демократии и служило признаком подлинно либеральных конституций. По мере того как Запад становился все более просвещенным, либеральным и демократичным, он оставлял позади законы и обычаи, требовавшие дискриминации евреев.

Так же было и в философии. В очерке Маркса «К еврейскому вопросу» фигура еврея была тем местом, где постпросвещенческая Европа давала бой призраку богословия, внезапно замаячившему в вопросе о гражданском статусе человека. Еврейский вопрос влек за собой вопросы гражданства, религии, различия и принадлежности, интеграции и сохранения культуры. Эмансипация евреев была свидетельством одновременно и достижений, и ограниченности либеральных институтов. Задолго до Маркса политическая теология Спинозы уже сделала еврейский вопрос ключевым для определения места религии в государстве и для достижения подлинного просвещения в политике. В политической теологии Гегеля Авраам представал отцом

индивидуализма. Западные философы, хвалившие или ругавшие либерализм, желавшие продвигать или тормозить демократию, видели в еврейском вопросе ось тех споров, в которых они участвовали. Современные споры о вере и секуляризме, прогрессе и потерях, отчуждении и общности, равенстве и разнообразии разворачивались на поле еврейского вопроса, а позже современная философия разместила в самом своем центре Холокост[1].

Озабоченность философов меркнет на фоне жесткости и остроты проблем в политике. В тени Просвещения существовал и второй еврейский вопрос, связанный с первым. Чем больше работали в мире политика и философия, тем сильнее вопрос о месте евреев и об антисемитских практиках высвечивал пороки, требующие исправления, и вызовы, брошенные всем надеждам и устремлениям Просвещения. Для еврейского вопроса в его практической и исторической форме было характерно, что евреев считали политической угрозой даже тогда, когда они были объектом политических нападок; злом — даже тогда, когда отношение

[1] *Marx K.* On the Jewish Question // Marx K. Selected Writings / ed. D. McLellan. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 46–64; *Маркс К.* К еврейскому вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 382–413; *Spinoza B.* Theological-Political Treatise / ed. J. Israel; transl. J. Israel, M. Silverrhorne. Cambridge: Cambridge University Press, 2007; *Спиноза Б.* Богословско-политический трактат // Спиноза Б. Сочинения: в 2 т. Т. 2. СПб.: Наука, 1999; *Agamben G.* Homo Sacer / transl. D. Heller-Roazen. Stanford, CA: Stanford University Press, 1998; *Агамбен Дж.* Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011; *Negri A.* The Labor of Job / transl. M. Mandarini. Durham, NC: Duke University Press, 2009. Холокост — узловая точка не только континентальной философии, когда она пытается преодолеть свое прошлое, но также и англо-американских философов, например Майкла Уолцера. Беженцы — Ханна Арендт, Лео Штраус, Эмиль Факенгейм и другие — превратили этот вопрос в центральный для американского академического сообщества второй половины XX века.

к ним свидетельствовало о распаде этических систем, отвергавших их. Еврейский вопрос обозначал и великие поражения, и великие достижения Просвещения.

В наше время фигура мусульманина стала осью, на которую нанизываются вопросы политической философии и политической теологии, политики и религии. Ислам воспринимается как главная опасность для существования политики; для христиан, иудеев и светских гуманистов; для женщин, пола и сексуальности; для ценностей и институтов Просвещения. В отношении к мусульманам и исламу свобода, равенство, братство перестают быть императивами, а становятся вопросами: свобода? равенство? братство? Их задают в отношении мусульман и ислама. Их задают в отношении всех нас.

Либеральные и социал-демократические государства нашего времени чувствуют неуверенность по отношению к мусульманам; они колеблются — включать ли их, распространять ли на них права и привилегии граждан. Хотя мы надеемся, что закон нейтрален, что конституция гарантирует права и что в Америке существует подлинная свобода вероисповедания, американское гражданство все же не защищает американских мусульман от слежки, задержаний, незаконных обысков и нападений по дискриминационным мотивам. Очная ставка Америки с мусульманским вопросом показала, что и американцам-немусульманам точно так же угрожают дискриминация, надзор, задержание и заключение, когда они действуют как союзники.

В Европе дела с защитой прав обстоят ничуть не лучше. Суровый республиканский секуляризм во Франции, *laïcité,* не обеспечил обещанного нейтралитета в публичной сфере. В тех же регионах, где некогда раздавался призыв выгнать евреев, теперь звучат требования положить конец мусульманской иммиграции. Франция полыхает от бунтов в мусульманских предместьях, *banlieues d'Islam*. Французское общество разрывают противоречия по вопросу о хиджабе. Нор-

вежские подростки гибнут от рук человека, который считает себя заступником Европы от ислама. Партийная политика в Нидерландах и Дании зациклена на мусульманском вопросе. В Германии и Великобритании премьер-министры рассуждают о крахе мультикультурализма и угрозе экстремистского ислама. Условия (формальные и неформальные), поставленные Турции для включения ее в Европейский Союз, образуют институциональную и юридическую карту европейской тревожности: положение женщин, место религии и семьи, допустимость этнической идентификации, использование и пределы государственного насилия.

Список тревожных вопросов, которые Запад адресует мусульманам, обрисовывает, как на карте, районы внутренней озабоченности. Европейские государства — а в действительности все государства либерального и социал-демократического Запада — сами постоянно сталкиваются с вопросами о положении женщин, сексуальности, равенстве и разнообразии, вере и секуляризме. Их подпитывает тревога по поводу значения прошлого и направления будущего. Европейский конституционный кризис частично вызван неуверенностью в статусе христианства в конституции Европы. Речь идет не о включении или исключении Турции, страны преимущественно мусульманской по культуре и вере, а об идентичности принимающих стран. Европу спрашивают, является ли она христианской или светской, и ответа найти не удается.

В Америке мусульманский вопрос принимает другую форму. Аналитики американской политики от Алексиса де Токвиля до Луиса Харца заметили, что Америка — это либеральная страна, рожденная в рамках Просвещения, от Просвещения и для Просвещения. Американские христиане и американские атеисты смогли дать одинаковый ответ на еврейский вопрос, ответ в пользу включения, который привел к частичной и взаимной ассимиляции. Когда евреи стали американцами, американцы стали больше евреями.

Америка сталкивается с мусульманским вопросом, не имея нужды кого-либо принимать. Фигура мусульманина не объединяет христиан и атеистов и не становится примером для избранных. Для американцев, которые сами себя видят как Исаака и Иакова, народ Завета, борющийся с ангелом, фигура мусульманина поднимает проблему Исмаила и Исава, тех, кто пребывает в пустыне вне Завета.

Запад в целом сталкивается с изменениями в практиках и понимании суверенитета и с вызовом тем либеральным и неолиберальным институтам, которые до сих пор держали потенциально мятежную демократию под контролем. Ситуация с мусульманским вопросом повторяет ситуацию, которая имела место с еврейским вопросом: на кону сейчас ценность западной цивилизации в самом элементарном понимании. Фигура мусульманина стоит наподобие часового, обозначая пределы Запада: государственная система, права человека, гражданские свободы, демократия, суверенитет, даже простейшие жизненные потребности.

ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Мусульманский вопрос, как и прежде еврейский, связан со страхами насчет национальной и международной безопасности. В XIX веке еврейского анархиста боялись как агента всемирного терроризма, использующего террор как оружие, свободно пересекающего границы и не признающего государство. Теперь мусульманский террорист представляет угрозу безопасности не только отдельных государств, но и всей международной системы. В каждом случае мусульманин и еврей маркированы как существующие сразу и до, и после государства во времени. Они из племени, не достигшего состояния государственности, состояния, которое Гегель обозначил как необходимое для достижения полноты цивилизации. Они существуют после государства, что значит — они безродные космопо-

литы в поствестфальском мировом порядке[2]. Можно сказать, что они существуют после государства и во втором, более простом смысле: преследуя его, противодействуя ему, пытаясь его разрушить.

Фигура мусульманина также обозначает пределы прав. И политическая философия, и популярный дискурс в Европе и Соединенных Штатах представляют мусульман как образчик нарушения прав человека. Якобы мусульманская религиозная практика и даже сам ислам посягают на эти права. В скандалах, разгоревшихся вокруг Салмана Рушди, Тео ван Гога, Айаан Хирси Али и карикатур, опубликованных сначала в датской прессе, а потом по всему миру, мусульмане преподносились как прямой вызов свободе слова. В спорах по вопросам ношения хиджабов, многоженства и другим постоянно возникает образ мусульманина как существа, особенно враждебного к женщине. Когда на Западе, хотя и со скрипом, стали признавать возможность разных сексуальных ориентаций, мусульман назначили злостными противниками идеи равенства гомосексуалистов. Все эти столь дорогие права — свободы слова, свободы печати, равенства и даже стремления к счастью — якобы оказались под угрозой из-за ислама.

ПОЛ И СЕКСУАЛЬНОСТЬ

Множество западных философов и теоретиков из самых разных уголков академического мира — от старых левых до неоконсерваторов — объединились в шаткий союз с тем, чтобы обвинить мусульман в притеснении женщин. Сьюзен Окин, Джин Элштайн, Элизабет Бадинтер, Каролин Фурест и Орианна Фаллачи (среди прочих) утверждают, что хиджаб, женское обрезание,

[2] Имеется в виду Вестфальский мир, которым завершилась Тридцатилетняя война 1618–1648 годов и который во многом определил последующую политическую карту Европы. — *Примеч. пер.*

многоженство и договорные браки представляют собой особый, порой непреодолимый барьер к соблюдению прав женщины в мусульманской культуре. Они говорят, что Европа и Америка предлагают убежище мусульманским женщинам, которые должны покинуть свою собственную культуру, чтобы обрести собственный голос и самих себя. Для этих весьма своеобразных мыслителей ислам — это религия, враждебная женщине, опасная зона гипермаскулинности.

Конструирование мусульманского мира как гипермаскулинного дало несколько полезных вещей Западу в целом и Соединенным Штатам в частности. Внимание к женской судьбе в мусульманском мире отвлекло внимание потенциальных критиков от сохраняющегося неравенства женщин на Западе. Защита прав женщин стала оправданием военных авантюр и иностранной оккупации. Ни одна женщина в здравом уме не станет защищать паранджу или многоженство, было сказано нам, поэтому любую, кто это делает, вероятно, обманули или заставили. Протесты со стороны женщин, которым обещали освобождение, таким образом, трактуются как признак их угнетенности, еще одно свидетельство в пользу необходимости вмешаться. Подобная логика возражений не допускает, тем более со стороны тех, кого она пытается заставить молчать.

СЕКУЛЯРИЗМ

Славой Жижек, ссылаясь на споры о преамбуле к европейской конституции, объявляет атеизм стержнем всего Просвещения. «Где было самое драгоценное наследие Европы, — вопрошает он, — наследие атеизма? Европа уникальна потому, что это первая и единственная цивилизация, в которой атеизм является совершенно законным выбором». Но радость Жижека по поводу отвержения религии Просвещением, однако, портит (как и само Просвещение) постоянное воз-

вращение вытесненного. Доказательством того, что «атеизм — это европейское наследие, за которое стоит сражаться», является то, что «он создает безопасное публичное пространство для верующих», даже для мусульман[3]. Жижек определяет мусульман как подлинный объект проявления терпимости, а подобное стремление он сам когда-то подверг резкой критике.

Назначение мусульман мишенью для толерантности относит их к «другому», к чему-то нежелательному. Не нужно быть терпимым к привычному и знакомому или тому, что приветствуется, что нужно и хорошо. То, к чему проявляют терпимость, маркируется как чуждое и нежелательное. У.Э.Б. Дюбуа некогда задал афроамериканцам знаменитый вопрос: «Ну и как это, ощущать себя проблемой?» То же самое можно спросить у мусульман — в глобальном масштабе. Однако формула Жижека предполагает, что на кону стоит нечто большее, нежели терпимость к исламу. Если атеизм действительно одно из славных достижений Нового времени, то не только ислам следует сбросить со счетов и молчаливо терпеть, но также и христианство.

Для многих секулярных философов и властителей дум из журналистов, например для Кристофера Хитченса, проблема ислама — это проблема религии в целом. Проблема с мусульманами в том, что они более религиозны. Религия доминирует в их жизни, их нельзя от нее отделить. Многие христиане могут сказать, причем с гордостью, то же самое и о себе. У них вообще вызывает сожаление отгораживание от веры. Это даже может привести к союзу между иудео-христианскими консерваторами и мусульманами. Правда, есть два препятствия. Более религиозные христиане и иудеи всегда были медленны в установлении связей поверх религиозных барьеров. Что важнее, мусульмане, как и христиане и иудеи, часто бывают секулярными. С другими секуляристами они разделяют подозрительное

[3] *Žižek S.* Defenders of the Faith // New York Times. 2006. March 12.

отношение к религиозной власти. Они с особой ясностью способны увидеть ограниченность и хрупкость секуляризма на Западе.

Западный секуляризм якобы уходит корнями в отделение церкви от государства. Однако во многих местах на Западе этого отделения так и не произошло. Законы о богохульстве остаются в силе. Официальная религия продолжает существовать. Секуляризм якобы создает и сохраняет нейтральную публичную среду, но повсюду на Западе расписание рабочих и выходных дней тянется из христианского прошлого. Христианство доминирует в глазах и ушах видами соборов и звуками церковных колоколов. Идеи государства и суверенитета глубоко пропитаны политической теологией.

Однако если секуляризм не преуспел в хваленом отделении церкви от государства, то его частичный успех оказался больше, чем мы сознаем. Секулярное мирное соглашение сделало религию практически неприкосновенной для критики со стороны философов. Мятежным и скептичным позволили покинуть церкви и жить, ничего не опасаясь, но и церкви в свою очередь могли рассчитывать на свободную от скептиков жизнь. Церкви наслаждались иммунитетом против критики разума. Они были защищены от грубых споров публичной сферы. Скептики и философы придерживали язык или направляли свою критику куда-то вне церкви, подальше от нежных ушей верующих. Это не было триумфом атеизма или просвещения; это было соглашением между старыми врагами, ни один из которых не мог сокрушить другого окончательно, и каждый хотел обеспечить себе безопасное местечко, недоступное для атак другого. Прежде присутствие евреев служило своего рода неприятным напоминанием о том, что все могло пойти по-другому. Теперь присутствие ислама ставит секулярное соглашение под сомнение.

Секуляристы, боящиеся ислама, опасаются не самого ислама, а возвращения религиозной власти. Самые честные из них, как Айаан Хирси Али, признают, что они против религии в любом виде. Христиане могут бояться конкуренции в религиозной сфере, а иудеи — вызова со стороны сионизма. Люди более знающие и осторожные могут понять, что отказ секуляристов обеспечить исламу неприкосновенность снова способен вызвать у кого-то желание критиковать христианство и иудаизм.

Философы и другие ученые должны принимать во внимание свою собственную уязвимость. Труды аль-Фараби, ибн Рушда, Авиценны, ибн Туфайля, ибн Хальдуна и других мусульманских философов поставлены вне канона, их схоластически выслали на периферию, к локальным исследованиям, исследованиям религии и антропологии. Западный канон политической философии деформирован генеалогиями, которые отсекают труды мусульман и мусульманских философов. Много лет назад Лео Штраус заявил, что западная философия искалечила себя сознательным забвением ислама и иудаизма. С пренебрежительной укоризной Штраус писал о сопротивлении западных философов еврейской и мусульманской философиям в Средние века. Он учил своих студентов интерпретативным стратегиям еврейской «шуле» и мусульманского «медресе» и поднимал вопрос о возможности кардинально иного разрешения взаимоотношений политики, философии и теологии[4]. Штраус ратовал за возвращение иудейской и мусульманской философий в канон, особенно таких фигур, как Маймонид и аль-Фараби. Только в последние годы теоретики и философы начали выводить свои генеалогии из более обширного и вместительного канона.

[4] *Strauss L.* Persecution and the Art of Writing. Chicago: University of Chicago Press, 1988.

ДЕМОКРАТИЯ

Незадолго до своей смерти французский философ Жак Деррида назвал ислам «другим демократии»[5]. Деррида отгородил «греко-христианские и глобалатинские» традиции от исламских источников, с которыми они были тесно связаны, которыми они питались и в которых находили пристанище в тяжелые времена. Он связал ислам с фашизмом и мусульман — с чрезмерным размножением, одновременно отождествив французское *laïcité* со свободой, равенством и братством, которых ему (для мусульманских граждан) явно недостает. В этом отношении предлагаемая Деррида конструкция мусульманина как «другого демократии» может показаться банальным, хотя и огорчительным, примером уступки интеллекта шовинизму. Однако в прочтении Деррида содержится нечто верное и глубоко проницательное.

Мусульман действительно выставляют «другими демократии». У них нет демократии, и ее необходимо им поставлять, хотя бы и недемократическими методами. Продвижение либерально-демократических институций в политические пространства, населенные мусульманами, проводится в режиме обеспечения условий получения кредитов МВФ. Демократии, как и экономическому развитию, можно содействовать только при определенных условиях. От тех, на кого направлены усилия по «демократизации» на Ближнем Востоке, требуется не только согласие и удовлетворение требованиям их собственных избирателей; они должны удовлетворять пожеланиям Европейского Союза и Соединенных Штатов. Избранное правительство Палестины должно признать Израиль, независимо от того, что скажут его избиратели; избранное правительство Ирака должно отказаться от своего выбора премьер-министра.

[5] *Derrida J.* Rogues: Two Essays on Reason / transl. M. Naas, P.-A. Brault. Stanford, CA: Stanford University Press, 2005.

Мусульманский вопрос охватывает континенты. Он объединяет политиков, философов, прессу, «пандитов»-академиков и радиоболтунов в общей тревоге по поводу столкновения цивилизаций. Однако в этих демократиях есть еще и народный ответ на подобные речи. На улицах Запада обыкновенные люди — мусульмане, христиане, иудеи, индуисты, буддисты, язычники, атеисты и остальные — вырабатывают совместное сожитие (conviviality together). Такие места — это Андалусия нашего времени, украшение нашего мира. Они погружены в повседневность. Довольно скоро мы приедем в эти места, чтобы понять, что мы давно там дома. Но давайте послушаем и ответим тем, кто рассуждает о «столкновении цивилизаций», тем, кто боится ислама и считает мусульман врагами.

МУСУЛЬМАНСКИЕ ВОПРОСЫ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru